

Дина Рубина

Дина Рубина

У ангела

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Разработка серии и дизайн обложки:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

В оформлении книги
использована репродукция портрета Дины Рубиной
работы Ильи Давидовича Рубина

В оформлении переплета использована
репродукция картины *Юлии Николаевой*

Рубина, Дина.

Р82 У ангела / Дина Рубина. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 320 с. – (Малая проза).

ISBN 978-5-699-94401-9

Три повести (которые сама Дина Рубина именует маленькими повестями) были написаны в первое и самое трудное десятилетие эмиграции. Абсолютно разные, они имеют некий общий знак, как именную печать художника, – образ ангела; странный, парадоксальный, порой чуть ли не издевательский. «Образ ангела, литературного ангела, ангела-хранителя, просто прохожего и едва ли не бомжа – один из моих тотемов в прозе, очень значимый для меня». Так, в повести «Камера наезжает!» ангел-хранитель предстает в образе лагерного охранника, того, что при попытке героини к бегству «из зоны, именуемой «жизнью», хватает ее и тащит по жизненному этапу. А в повести «Во вратах Твоих» героине без ангела не выжить: опасна и трудна жизнь человека, вступающего в новую родину. Вот только там ангел является в образе карнавальном, утешая и веселя. Внезапно оказавшаяся на границе жизни и смерти героиня «Высокой воды венецианцев» поселяется в отеле «Аль Анжело», ставшем для нее судьбоносным. Есть, есть Тот, кто посылает нам спасение. Повести 90-х поражают разнообразием тональностей и ритмов: лирические отступления чередуются с экспрессивными монологами, стремительная фабула – с философскими размышлениями, синкопы диалектов – с плавностью правильной речи.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2017
© Николаева Ю.,
иллюстрация на переплете, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94401-9

Предисловие Дины Рубиной к книге «У ангела»

ТРИ ПОВЕСТИ

Люблю я этот жанр: ладный, легкий, быстроходный – как небольшая, умело сработанная мастерами шхуна, – жанр так называемой «маленькой повести». Это не рассказ, в котором надо спрессовать в десять-пятнадцать страниц «сюжет-героев-завязку-развязку-всё!», и не вольготная многостраничная бодяга, где можно расслабиться и тянуть тягучие мысли героя на двадцать страниц, зная, что понятие «повесть» спишет все длинноты по ведомству «глубокой психологичности». И это, опять-таки, не роман – многопалубный лайнер, с двумя тысячами пассажиров, обслуживать которых должны еще две тысячи разных мелких персонажей, включая автора, – ужасная, многолетняя морока!

Нет, маленькая повесть – это...

Словом, это три такие повести, собранные под обложкой данной книги. И о каждой из них мне есть что вспомнить.

1. Когда поднимается вода...

Довольно часто на встречах и в интервью меня спрашивают о том, как возникают, как приходят к автору названия книг. Случается ли над ними долго думать или они являются как озарения? Долго ли пребывает текст неназванным, как подкидыш на ступеньках приюта, или его имя, как имя долгожданного ребенка, смиренно поджидает момент рождения рассказа, повести, романа – дабы поставить последнюю точку, вернее, самый яркий, завершающий книгу штрих?

А я, признаться, не всегда помню – как и при каких обстоятельствах родилось то или другое название, и в ответах обычно бываю уклончива: мол, идея вещи предполагала... основная мысль просвечивала... перипетии сюжета диктовали...

Но вот история одного названия всегда вспоминается мне во всех деталях, в звуках и запахах дня, в окружении такой красоты, которая оставляет в памяти след на всю жизнь.

Я говорю, конечно же, об Италии.

Впервые мы оказались в Италии в 1998 году, и маршрут проложили себе такой, какой выбирают все новички: Рим–Флоренция–Венеция. Правда, мой художник еще втиснул в серединку Равенну, ничем не примечательный, провинциальный, осеняемый гулом воскресных колоколов городок... если б не легендарные мозаики Сан-Витале, к которым, как ловцы жем-

чуга на глубину, устремляются понимающие люди со всего мира.

Это путешествие завершала Венеция, поразившая нас с той минуты, когда ночью мы вышли из здания вокзала и перед нами, в лучистом свете фонарей, возникли причал с вапоретто и первые палаццо, похожие на изукрашенные ларцы.

Мы пробыли в Венеции целую неделю, и все эти дни слились у меня в какой-то безумный салют непрерывного восторга. Впоследствии мне приходилось бывать в Венеции в разное время года, вдвоем с дочерью, с подругой и опять с мужем... Этот маленький город бесконечен, неисчерпаем, непостижим, даже когда ты неплохо ориентируешься в густой сети его переулков, каналов, набережных и подворотен. Но в тот наш первый приезд мы, вероятно, похожи были на истоптавших ноги безумных пилигримов, в поисках очередной церкви, собора, картины, вида...

Понятно, что к вечеру мы буквально падали с ног и просто валялись у себя в номере, почитывая дешевый путеводитель (дорогой и хороший у нас украли в Риме вместе с сумкой). И так, листовая путеводитель, явно состряпанный кем-то из местных предпринимателей, халтурно переведенный каким-нибудь студентом факультета славистики, я наткнулась на очередной ляп.

— Слушай! — воскликнула я. — Ты только послушай, как они перевели «аква альта». Вместо того чтобы перевести это как нормальное «наводнение», они так и пишут: «высокая вода венецианцев»! Нет, ты

слышал такое?! Просто анекдот: «высокая вода венецианцев»!..

В третий раз произнеся эту фразу саркастическим тоном, я умолкла, потому что с необычайной ясностью вдруг поняла, что это – название повести. Не рассказа, не романа, а именно повести – маленькой и трагически насыщенной, как все насыщено, все пропитано в Венеции драмой и красотой. В этом названии была спрятана какая-то история, которую еще надо было суметь извлечь из воздуха, приманить, сотворить... Я вскочила и стала метаться по комнате, без конца бормоча: «Высокая вода венецианцев»... «Высокая вода венецианцев»... Я уже знала, что в дело пойдет все, что меня окружает: старая мебель в нашем номере, рассохшиеся ставни высоких окон, изъеденные мутной пленкой зеркала, плеск воды внизу, в канале, окрики усталых гондольеров, ослепляющие витрины венецианского стекла, и даже портье за стойкой, и дождь, и мутные потоки воды на площади Сан-Марко...

Название было готово: оно дышало, оно звучало стихотворной строкой, оно ожидало рождения *своего* литературного текста...

Оставалось только написать повесть.

Я вернулась домой и написала ее.

2. «Это теперь твоя компания...»

Более четверти века назад я переселилась в маленькую, парадоксальную страну с весьма густым, пестрым и бурливым обществом, сотрясаемым скан-

далами, войнами и вечным противостоянием множества этнических общин. И чем дольше живу, тем, как говорила Алиса, «все страньше и страньше делается».

Одним из моих первых иерусалимских знакомств была встреча с поэтом Александром Воловиком. Он сказал:

– Во-первых, привыкни к тому, что все они были...

– Кто? – уточнила я. – И что значит – были?

– Ну, все они: Авраам, Сарра, Ревекка и прочие, а также все остальные – Иисус, Пилат, Иоанн Креститель... Просто – были. Существовали, действовали, ходили по этой земле. Это теперь твоя компания, хочешь ты этого или нет. Они будут возникать в самых неожиданных местах...

Так оно и получилось. Я не говорю уже о разных новоявленных пророках, тех, что в белых, расшитых «золотом» одеждах разгуливают по Иерусалиму иногда с посохом, иногда с лирой в руках: вопят пророчества, поют страшными голосами, проклинаят на площадях правительство... Я не о плакатах с портретами все новых и новых мессий, порой весьма подходящих к известной нам с детства доске «Их разыскивает милиция»... Я о том, что утром тебе может позвонить приятельница-экскурсовод и между делом предложить присоединиться к прогулке по каменоломням царя Соломона.

– А где это? – спрашиваешь ты, хотя уже более двадцати лет живешь в этом удивительном и, похоже, бездонном городе.

— Да под Старым городом, — отвечают тебе. — Помнишь, небольшая железная дверь в крепостной стене, недалеко от Цветочных ворот?

— Как?! — искренне восклицаешь ты. — Я думала, это дверь в какую-нибудь технически-электрическую подсобку.

— Ну, да! — усмешается приятельница-экскурсовод. — Это вход в систему карстовых пещер, в которых Соломон добывал камень для Первого храма и по которым царь Цедеккия бежал от Навуходоносора в Иерихон. Но там его поймали, убили на его глазах всех его детей, а самого ослепили, после чего угнали в плен в Вавилон. Вот сейчас эти пещеры опять открыли для туристов...

И ты идешь, и замороженно смотришь на щербатые своды, хранящие следы ударов кирки Соломоновых каменотесов, иходишь в Зал заседаний Великой ма-сонской ложи, в котором еще в середине XIX века проходили-таки эти самые заседания этой самой ложи... И удивляешься вновь и вновь тому, что «все они тут, рядом, — за забором, за поворотом, в крайнем случае, за горкой»...

Писателю здесь раздолье. Надо только уметь разговорить собеседника, чувствовать, за какую ниточку потянуть, чтобы и узел судьбы развязать, и не оборвать ненароком нить памяти, — что непросто. Израильтяне, прошедшие лагеря, — часть народа, стремительно сократившаяся за последние годы, — те предпочитают молчать о прошлом. Но иногда вдруг вырвется несколько слов, от которых сожмется сердце.

* * *

— Знаете, мне было 10 лет, когда началась война, — как бы между делом замечает известный израильский композитор Яков (Янек) Холландер на приеме в посольстве.

Мы только что «отоварились» у фуршетного стола и стоим с бокалом в одной руке и полной тарелкой в другой...

— Я прошел 12 лагерей, «марши смерти»... и, несмотря на все ужасы, не помню, чтобы я плакал. Но есть одно ужасное воспоминание, один из самых тяжелых моментов тех лет. Однажды на Рождество охранник подарил мне кусок пирога. Я хотел съесть половину, а вторую отнести больному брату. Но этот человек предупредил, что, если меня поймают с пирогом, я могу прощаться с жизнью. Уж лучше съесть его сейчас, немедленно, целиком... И я ел этот вкуснейший пирог, и плакал, как никогда в жизни. Никогда прежде и никогда потом я не чувствовал себя таким виноватым перед братом!.. Прошло столько лет, но, вспоминая этот эпизод, я и сейчас прилагаю немалые усилия, чтобы проглотить горький комок в горле, хотя мой брат жив, здоров и вполне благополучен...

А это просто история Овадьи, греческого еврея из Салоников. Я услышала ее в очереди к ортопеду в нашей поликлинике. Во время войны он оказался в Освенциме и встретил там девушку, как говорит он — «неземной красоты». Звали ее Ализа, и она тоже была из Салоников. Он влюбился в нее и все повторял, что они

обязательно поженятся, если выживут... Встретились они уже после войны, на Кипре, в лагере для интернированных.

– Ты помнишь, что мы женимся? – сказал он.

– Я не могу за тебя выйти, – отвечала она. – Ты потерял всю семью, а я не смогу иметь детей. Мне сделали операцию в Освенциме.

– Я не хочу детей, Ализа, ты слышишь?! – крикнул он. – Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

Тогда она попросила его подписать официальный документ о том, что он знает о ее бесплодии и тем не менее собирается связать с ней судьбу... Они поженились и перебрались в Палестину, поселились в центре страны... А вскоре Ализа забеременела! И тогда она вспомнила глаза того врача, что склонился над ее лицом, когда она очнулась после наркоза. «Придет день, и ты меня вспомнишь», – сказал этот немец. Он был в маске, она даже не видела его лица...

– Видимо, даже этот палач пожалел девушку, – говорит Овадья, – за ее красоту. Он удалил ей только один яичник...

– И... кто же у вас родился? – спрашиваю я.

– Сначала дочь, – отвечает он, улыбаясь своим мыслям. – А вообще у нас пятеро детей...

* * *

Тот же Саша Воловик, в первые дни нашей здешней жизни исполнявший роль Вергилия по всем кругам израильского общества, – человек усмешливый и до известной степени циничный, – сказал мне:

— А вот с израильтянами будь начеку. В большинстве своем это мошенники, идиоты и упрямые кретины... — После чего улыбнулся и добавил: — Но есть среди них чертовски обаятельные люди!

Добавлю от себя, что за пару десятков лет мне попадались как те, так и эти, но с жизнью меня примирили здесь именно те самые, чертовски обаятельные, импульсивные, улыбчивые и горячие люди, с непредсказуемой реакцией и невероятными судьбами, с которыми хочется спорить, которым хочется возражать, с которыми приходится ругаться... Но, путешествуя по европейским странам, восхищаясь европейской упорядоченностью и сдержанностью в человеческих отношениях, ты вновь и вновь мысленно говоришь себе, что никогда не променяла бы «свой израильский бардак» на покой и порядок чопорной Европы.

3. Так и не расстались...

Бесчисленное количество раз в интервью отвечала я на вопрос о том, почему я живу в Израиле. Его задают мне самые разные журналисты самых разных изданий. Иногда в подтексте скрыта обида — как же так, русский писатель, проблемы русской литературы... ну и прочее. Вначале я пыталась подробно — с самого начала — разъяснять этот вопрос, рассказывала историю моей эмиграции, старалась передать впечатления и чувства того периода моей жизни... Потом поняла, как правильнее отвечать.

– Понимаете, – говорю я, – мне повезло: я с этой страной совпала по... жанру. Я работаю в жанре трагифарса, а эта страна в нем живет.

И если вдуматься – в этом ответе наиболее полно выражена правда.

Помню первые дни после приезда: чувство непреодолимой оторопи. От всего – от внешнего (расхристанного) вида людей, от слишком свободной манеры общаться, от слишком громких голосов, от поначалу коробившей меня фамильярности. Ну, как, как это так, что чиновник в банке называет тебя – «мамочка»?!

И вот прошло двадцать лет, и я предпочитаю в жару выходить на улицу в свободном рубище, которое назвать платьем можно с огромной натяжкой, в сандалиях, смахивающих на пляжные, в широкополой шляпе... Причем не стесняюсь появляться в этом балахоне не только в соседней лавочке, но и на почте, и у зубного врача, и – о ужас! – на заседании редколлегии «Иерусалимского журнала», где остальные мои редколлеги одеты примерно так же, как я...

При этом «старые» израильтяне, те, кто приехал в семидесятых, покачивая головами, говорят о том, как изменился Израиль... Эх, вот раньше... раньше можно было вообще не запирает двери... Вот раньше тебе стоило поднять на шоссе руку, и тебя бесплатно везли на другой конец страны... Вот раньше...

– Это что, – подхватывают те, кто приехал сюда в пятидесятых. – Мы помним еще времена, когда незнакомые люди на улицах танцевали под аккордеон – просто так, вечером, для развлечения.

Между прочим, эти танцы застали и мы. Я помню, как в течение минуты собрались пары на мосту, вокруг аккордеониста, и закужились в вальсе под мелодию... «Синенького скромного платочка»...

– Знаешь эту песню? – спросил меня какой-то старик рядом.

– Знаю, – отозвалась я.

– Это народная израильская песня, – с удовольствием подтвердил он.

Я расхохоталась:

– Это известная советская песня!

– Ты с ума сошла? – обиделся он. – Значит, советские украли у нас мелодию!

И вот так всегда. На этой земле на протяжении всей коротенькой современной истории страны все израильское так круто замешано на русском, что диву даешься. И совсем не удивляешься, прочитав, что первое правительство Израиля заседало по многу часов, говоря, само собой, на иврите. Но когда люди уставали, они переходили с иврита на... русский: на родном языке говорить, конечно, легче, чем на выученном.

С другой стороны, путешествуя, не устаешь удивляться – какое количество израильтян разбросано сегодня по всему миру. С ними, опять-таки, могут сравниться только русские.

Моя приятельница с семилетней внучкой поехала в Лондон. Гуляя вокруг Букингемского дворца, они увидели в будке пожилого роскошного двухметрового гвардейца – седые подкрученные кверху усы, окладистая белоснежная борода – холеное холодное лицо